
Александр Федорович Котс

Закрытое письмо в редакцию «Пионерская Правда»

Уважаемый Товарищ Редактор!

В интересах рационализации программ и требований школьного преподавания, считаю своим долгом обратиться Ваше внимание на одну статейку в Вашей уважаемой газете от 2 Марта с.г. за № 18.

Речь идет о небольшой заметке юного корреспондента С. **Гольцева** под заглавием: «**Как я свой день удлинил?**»

Написанная с лучшими намерениями и опубликованная, очевидно, не без директивных целей, названная заметка вызывает сильное недоумение у лиц, знакомых с постановкой современной школы.

Как то явствует из «Расписания Дня», введенного и предлагаемого юным автором «Заметки», — на приготовление уроков на дому (включая «повторение старого») отводится всего **два с половиной часа** (с 3 ч. 30 мин. до 6 часов)

К сожалению, автор заметки не упоминает ни своего возраста, ни класса (опущение, нередкое в таких корреспонденциях, и сильно умаляющее их значение..). Но принимая во внимание «древкольную» его работу, надо думать, что перед нами ученик 7-8 класса.

Но ведь, если так, то уделяемое для уроков время — 2 ½ часа (включая «повторение старого»!) никак не согласуется с программами и требованиями наших **московских** школ.

Общеизвестно, что на подготовку лишь очередных уроков (не касаясь «повторения старого»!) затрачивается учащимися столичных школ не менее **пяти** часов, как то повторно установлено анкетами среди учащихся 7- и 8-ого классов, многократными опросами и личным опытом пишущего эти строки при занятиях с подростком-сыном, обучавшимся в одной из наших «образцовых» школ.

Сопоставляя эту «эмпирическую» норму (**пять** часов) и предлагаемую автором заметки (**два с половиной**, включая «повторение старого»), возможно объяснить такое расхождение **трояким** образом.

I. Талантливостью Степана **Гольцева**, позволившей ему больше, чем **вдвое** сократить потребное для приготовления уроков время.

И, однако, обобщать такие случаи и выводить из них какие либо директивы для широкой массы менее талантливых натур, едва ли справедливо.

II. Облегченной постановкой школьного преподавания в селе «**Успенском**». Не касаясь допустимости такой неравномерности программ и требований той же Средней Школы только под различными широтами, мы тем категоричнее противимся тому, чтобы негласное снижение программ и требований заолустной школы выставлялось образцом и нормой при суждении о постановке дела в Средней Школе вообще, и в частности, Москвы.

III. Низкой успеваемостью самого Степана **Гольцева**, ни словом не обмолвившимся об успешности своих занятий, но ведь степенью последней только и определяется достоинство введенного (и — что важнее — предлагаемого!) «Расписания дня».

А что, если эта фактическая успеваемость Степана только минимальная и даже ниже минимальной? Брать за образец такого юношу и выставлять его на поучение учащихся всего Союза, всей страны — не значило бы это полностью **дезориентировать** нашу учащуюся молодежь?

Отстаивать «программу» или «План», без указания реальных ими добытых итогов, это — то же, что прописывать лекарство, ничего не зная о его целебности.

Что эти опасения реальны — лучшим доказательством тому может служить рассказ, опубликованный 5 Окт. 1946 г. в той же «**Пионерской Правде**» («Родительский День»), повествующий об одной девочке («**Ольге**»), учащейся в московской школе (и опять без указания возраста и класса!), получившей «двойку» за «неврученную» литературу только потому, что на подготовку урока ею отдано было лишь (!)**два и три четверти часа**.

Сопоставим обе цифры.

Три без четверти часа на приготовление уроков оказались **недостаточными** для хорошей (как то явствует из самого рассказа) ученицы **Московской** школы в 1946 году.

Два с половиной часа с неизвестной, правда, эффективностью считаются **достаточными** в 1948 году.

Быть может самые программы или требования понизились с тех пор? за время прожитых двух лет?

На обращенные, под свежим впечатлением статьи 2-Марта, запросы к учащимся, вопросы о потребном для подготовке уроков времени, — ответом неизменно было: «**пять часов**» (!!!)

И вот мы спрашиваем: не угрожает ли введенное юным **Гольцевым** «Расписание Дня» — дезориентацией нашей учащейся молодежи за пределами «**Успенской школы**»? Не рискуют ли они, эти учащиеся, доверившись «**Степану**», оказаться в положении «**Ольги**»??

Как ученый-педагог с почти полустолетним стажем, обслуживший лично свыше **четверти миллиона** детворы, я полагаю своим долгом, зафиксировать, сигнализировать заведомую неувязку двух указанных статей «**Пионерской Правды**», в интересах нашей молодежи и скорейшей ликвидации невероятной и нерациональной перегрузки требованием и программ, присущей нашей Средней Школе.

Основатель (1896) и Директор **Дарвиновского Музея** в **Москве**, «Отличник Здравоохранения СССР»

Доктор Биологических Наук

Орденосец

10 Марта 1948. — /профессор А.Ф. *Комс*/

Москва.